

Подмена культур: несколько примеров

The paper deals with what is called here substitution or misrepresentation of cultures, i.e. the cases in which one culture is misrepresented in translation through the distorting prism of another culture (not necessarily the target one) on untenable grounds, which leads to quite unacceptable results. The many examples cited in the text are meant to illustrate this phenomenon, its consequences and its danger.

Key words: cross-culture communication, translation studies, misrepresentation of cultures, substitution of cultures, cultural mistranslation, poor translation solutions

В мировом переводоведении широко известна дихотомия «одомашнивающий перевод – отчуждающий перевод» и споры вокруг нее. В российском переводоведении хорошо известно положение, согласно которому естественность речи не должна означать и «недопустимую национально-культурную ассимиляцию» [1, с. 11]. Этот принцип, в сущности, общеизвестен; в нем могут наблюдаться некоторые национально-культурные вариации (ср. например допустимость в использовании диалекта ПЯ для передачи диалекта ИЯ) и вариации, вероятно, более индивидуального характера, которые при этом можно свести к двум связанным между собой дилеммам: а) одомашнивания и отчуждения и б) стандартизации (усреднения) и отображения индивидуальности (как культурной, так и авторской).

В настоящей работе хотелось бы сосредоточиться отнюдь не на защите и прославлении одомашнивания или же отчуждения как предпочтительных (якобы по умолчанию) стратегиях, а исключительно на одном конкретном вопросе, который бы я предпочел обозначить как «*подмена культур*» в переводе.

Стоит пояснить предлагаемое словоупотребление. Под *подменой культур* имеются в виду случаи, когда одна культура подается в переводе через *искажающую* призму иной культуры (причем, как мы увидим, даже не обязательно принимающей) на *несостоятельных* основаниях, что приводит к недопустимым последствиям (результатам) – как бы к *неправомерной смене культурной оптики*. Здесь очень важна идея несостоятельности мотивов и неправомерности подмены: ведь перевод, как известно, может ориентироваться и на принимающую, и исходную, и даже на некую третью культуру на

вполне рациональных основаниях или же в силу действующих в данном сообществе норм.

Полагаю, что сегодня правильнее было бы вести речь не об ассимиляции или не просто об ассимиляции, а гораздо шире: о недопустимой подмене культур в переводе как негативном явлении. Чрезмерная ассимиляция – лишь частный случай такой подмены. И, как было отмечено, подмена культур отнюдь не сводится, в отличие от чрезмерной ассимиляции, к одомашниванию. Кстати, как будет видно, подмена не обязательно является следствием какой-либо осмысленной стратегии.

(Замечу также попутно, что ассимиляция сама по себе может быть, например, полной или нет, и при этом не обязательно чрезмерной или неадекватной; может быть целенаправленной и вполне отвечающей действующим в данной культуре на данном этапе нормам; может расходиться с нормой, но обслуживать поставленные цели – а тут можно при желании спорить о правомерности таких целей или об их достижении. Примерно то же самое можно сказать и об отчуждении. Существуют не только крайние точки отчуждения и одомашнивания, возможны различные их градации и различные варианты исполнения. В подобных случаях необходимо анализировать конкретику, смотреть, что именно и как сделано, как соотносятся декларации (цели) и реальные результаты, спорить, если есть основания, о целях или их правомерности и т.д.)

Феномен межкультурного барьера – не статичен, а динамичен, о чем почему-то не всегда вспоминают, говоря о переводе. Межкультурный барьер в разное время и в разных местах имеет разную степень толщины и проницаемости.

С одной стороны, былые пропасти могут сглаживаться. Но в то же время появляются новые проблемы и даже новые барьеры: то, что было известно когда-то, может по-иному восприниматься сейчас. Подмена (недоброкачественное явление) может производиться вместо разумной или необходимой (и аккуратной) адаптации – а грань здесь бывает очень тонка. Сегодня добавилась и *новая специфика* – в частности, связанная с процессом глобализации, конвергенцией культур, доступностью информации и с доминирующим положением англоязычной (точнее, американской) культуры.

Взросшая мобильность людей и доступность информации помогают преодолевать межкультурный барьер и одновременно распространять вширь культуру различных сообществ – и национальных, и всевозможных иных. И, конечно, здесь прослеживается дисбаланс. Американская культура знакома на порядок лучше, чем

культура любой другой страны. И этот *фактор силового соотношения* тоже необходимо учитывать. Появляются новые термины; вытесняются старые; новые и старые дифференцируются, хотя на иностранные языки они могут переводиться одинаково... Участились случаи (например, в СМИ или в частных сообщениях интернет-пользователей), когда на какую-либо иностранную культуру смотрят через призму английского языка и американской культуры. Иностранные имена не англоязычного происхождения произносятся / пишутся (транскрибируются) по-русски на английский манер, а действительность описывается так, будто дело происходит в США (см. пример ниже).

Далее мы разберем несколько примеров подмены культур, позволяющих рассмотреть явление с разных сторон.

Говоря о чрезмерной ассимиляции, анализируют обычно художественные (или публицистические) тексты. Но нельзя обходить вниманием специальные тексты. Самоочевидный для меня пример – юридический перевод, где проблема межкультурного барьера достигает пиковых величин. Норма о недопущении подмены культур (здесь – правовых) проявляет себя куда с большей силой, но при этом специфически. В праве такая *подмена культур* может не просто резать слух или вызывать когнитивный диссонанс, а вести к принципиальным искажениям смысла и, в результате, к крайне неблагоприятным последствиям.

Уже само описание принципиально иных процессуальных действий будет восприниматься отчужденно и «странно» не просто из-за их чужеродности и непривычности. Поскольку переводчику придется точно описывать предметные ситуации, не существующие или выглядящие по-иному в принимающей культуре, может нарушиться привычная, ожидаемая сочетаемость (узус): так, у нас *дело возбуждает суд*, а у французов – не суд, а стороны. Сам суд у французов возбуждает дело лишь в отдельных, строго определенных случаях (ст. 1 ГПК Франции). А это существенная разница. Достаточно при переводе, например, юридических документов или первой же статьи французского Гражданского процессуального кодекса сказать, что *дело возбуждается судом*, а не *сторонами* – на том ложном в данном случае основании, что «у нас так говорят», – как мы тут же исказим процессуальные тонкости, разрушим всю терминосистему, а чужую систему права подменим отечественной. Достаточно назвать французского *следственного судью* (*juge d'instruction*) *следователем*, как мы тут же произведем подмену.

Если перевод не имеет юридической силы, т.е. призван лишь информировать, но не способен порождать юридические последствия

(например, перевод законодательства для изучения зарубежного опыта), то мы предъявляем получателю ложную картину, грубо его обманываем. Если же перевод имеет юридическую силу, то по последствиям это еще опаснее.

Правовые системы разные. Поэтому чуть ли не все сопоставимые термины будут отличаться, как минимум, по каким-то нюансам. И здесь очень важно увидеть, где та грань, за которой начнется недопустимое культурологическое искажение. Где та ситуация и тот контекст, когда возникает эта опасность.

Почему, например, *cour d'assises* – это все-таки *суд присяжных*, несмотря на процессуальные различия (для юриста одно различие там весьма интересное и существенное). А вот *juge d'instruction* – *следственный судья*, но никак не следователь. Российский *генеральный прокурор* и французский *procureur général* не одно и то же. У нас это – «самый главный прокурор», глава всех прокуроров. А во Франции генеральных прокуроров несколько – по количеству апелляционных судов плюс генеральный прокурор при Кассационном суде. И они не образуют иерархию. Генеральный прокурор при Кассационном суде – как бы «самый крутой». Но он не начальник прочих прокуроров, работающих в других судах. Но при этом мы на разумных основаниях используем *генеральный прокурор* и *procureur général* как эквиваленты. Всё потому, что в данном случае мы исходим из той очевидной предпосылки, что термины эти надлежит воспринимать полностью в контексте исходной культуры, а не принимающей. И, таким образом, подмены культур не происходит. С *судом присяжных* – то же самое.

А вот *следователь* производит опасную подмену: вместо одной правовой культуры – другая. Дело в том, что такой перевод нивелирует статус лица. Во Франции предварительное следствие ведет лицо, обладающее статусом судьи. Это крайне существенно. Кто возбуждает дело – *суд* или *стороны* – тоже принципиальное различие.

Следующий пример – весьма тонкий, а для кого-то неожиданный: небольшой фрагмент из фильма Жака Одиара (Jacques Audiard) «Пророк» (“Un Prophète”) о становлении юного преступника. Фильм претендует на достоверность в изображении преступного мира Франции. Серьезность и реализм в данном случае особенно важны.

Действие происходит в тюрьме. Язык героев соответствующий. К переводу (точнее, его обработке) был привлечен знаток русского блатного языка. Была проделана большая работа. Пример, который мы здесь рассмотрим, – буквально на уровне нюансов. Но нюансов, как мне представляется, важных (вообще же анализ перевода этой картины представляет собой весьма интересную задачу).

Когда юный герой поступает в тюрьму, ему рутинно задает несколько вопросов дежурный офицер. У героя, в частности, спрашивают, есть ли у него какие-то ограничения в меню по религиозным соображениям (герой – араб, т.е. предположительно мусульманин, следовательно, он может, например, потребовать исключения из меню свинины). В оригинале офицер обращается к 19-летнему герою на *вы*. В переводе офицер тоже вполне безучастен и нейтрален, но герою он *тыкает*.

На мой взгляд, здесь происходит недопустимая подмена культур. Французский язык, как и русский, дифференцирует «вы» и «ты»¹. В кадре официальная обстановка. Тут не погоня бравого комиссара за бандитом и не схватка, где куртуазность неуместна. Офицер обязан придерживаться регламента. «Вы» здесь – маркер скучной официальности, формальности. Да и вообще, не последует ли жалоба, если вдруг офицер начнет тыкать заключенным? Здесь особенно уместно напомнить: фильм претендует на реализм и достоверность.

В русском и французском текстах оказываются принципиально различные коммуникативные дистанции, различная степень формальности. Но в фильме не наша тюрьма и не наш тюремщик! Такого рода «адаптация» попросту неуместна.

Знатоки блатного языка – прекрасно. С переводческой точки зрения это любопытнейшая проблема. И без такого специалиста перевод мог бы получиться неубедительным (в т.ч. и из-за реализма картины). Но специалист ли он по переводу? Понимает ли он, что тут описывается иная культура, которая чем-то да отличается от нашей? Что грань тонка? Понимали ли это прокатчики?

Надо признать, пример этот с «вы-ты» довольно неожиданный – именно из-за того, что перевод производился с французского на русский. Проблему с отображением коммуникативной дистанции и «вы-ты» чаще анализируют в такой паре языков, как, например, «русский-английский» или «английский-французский». Ведь английский язык располагает иными средствами.

Пример из публицистики. Мне попадались статьи о Франции, в которых использовалось прилагательное «федеральный» – то ли применительно к властям, то ли к СМИ – явно как попытка передать *national* или *à l'échelle* (или *à vocation*) *nationale*. Увы, про Францию всерьез так сказать невозможно: это не федерация, а унитарное государство. Интересно, что в данной ситуации возможны два

¹ Это, кстати, отдельная тема в плане сравнений и между разными франкоязычными культурами (например, Франция / Квебек), и между русским и французским языками: характер и распространенность перехода на «ты».

объяснения: а) горе-журналист / горе-переводчик мыслит российскими категориями; б) американскими, что, замечу, сегодня весьма возможно и при этом еще безнадежнее. Так мы переходим к следующей порции мини-примеров.

Действительно, в сочетании с невежеством и лингвистической неискушенностью граждан (откуда происходит очаровательная наивная убежденность, что все языки мира происходят от английского и читаются на его манер) дисбаланс в доступности культур и их влиянии способен приносить дичайшие плоды.

Так, диктор по телевизору говорит об аэропорте *Чарльза* де Голля. Удивительно, кстати, что он не слышит какофонию. Диджей по радио, старательно, но неубедительно изображая то, что он считает американским прононсом, коверкает название французской группы *Les Nègresses Vertes: Лес Негрессиз Вёртс*. Интересно, что для него значит «Лес»? Американское имя? Дело не в том, что он не знает правил французского произношения, что ж тут постыдного для неспециалиста. Прискорбно то, что он искренне полагает что название «культовой французской (!) группы» должно произноситься на аглицкий манер.

Схожая ситуация, когда всюю используют заимствование *коп*, даже перевода не с английского языка. Более того, сегодня это встречается даже вне переводов – например, в статьях о Франции. *Французские копы* – даже не передать, как это ранит слух... Отчего же не «американские флики»? Впрочем, теперь в отечественных (не переводных) текстах попадают и «русские копы».

Меня всегда страшно веселили всевозможные *мистеры* и *сэры* в переводах японских фильмов. Отчего же не «мосье» и не «герр»? Понятно, что переводили через английский язык, но ведь даже не задумывались о том, что дело происходит в Японии.

А уж частота использования слова *лорд* нынче зашкаливает. Как хороши, как свежи были «лорды» в переводах фильмов опять-таки восточного производства или повествующих о Востоке. Особенно тех, где речь идет о делах давно минувших дней. Ну, конечно: самураи, ронины и с ними рядышком лорды, прямиком из британского парламента. Так, глядишь, если бы сегодня такие переводчики взялись за Толкина, то появился бы «Лорд колец»; да, впрочем, и бог в переводе с английского превратился бы в члена парламента.

И совсем уж не буду останавливаться на мутировавшей транскрипции японских слов, которые сегодня нередко передаются на русском языке через английскую транскрипцию.

Режиссер Роман Полянский (или даже Полянський) был и остался поляком. Однако фамилия его нынче почти повсеместно передается

так, будто он гордый брит или американец: Полански. И это при том, что параллельно – буквально рядом, здесь же – в текстах на русском продолжают существовать Квасьневский, Качиньский и т.д. Налицо раздвоение сознания и поразительная невнимательность вкупе с отсутствием логики.

В заключение рассмотрим еще один пример, охватывающий сразу проблемы естественности речи, буквализма, подмены культур, сближения культур, искажения стиля и смысла. Интервью в журнале «Афиша» с актером из фильма «Мстители» (далее курсив мой): «они [режиссеры] настоящие киноманы, они постоянно обмениваются идеями, пробираясь через *семантический туман*, постоянно делая те или иные *референсы* на фильмы»; «Когда я смотрю на *колл-шиты*, я постоянно задаюсь вопросом, кому это приходится организовывать» [2].

Из процитированного текста хорошо видно, что актер говорит на вполне обычном английском и не пытается никого из себя не строить. В переводе же он предстает эдаким отечественным хипстером, влекомым псевдоинтеллектуальной модой, нахватавшимся ученых слов и калек с английского и озабоченным тем, чтобы теперь употребить их как можно больше в единицу времени. Видимо, по образу типичного редактора «Афиши»? Интересно, что переводную реплику с этой точки зрения нельзя назвать неестественной «вообще»: ведь «так говорят». Мы и правда обнаруживаем сегодня несусветный наплыв англицизмов. Но зададимся вопросом: так говорит *кто* и *где*. Если мы сопоставим *все*, а не отдельные, данные, то увидим, что в ПТ совершено надругательство над языком, был искажен стиль говорящего, подменен его речевой, социальный и интеллектуальный портрет (причем, что интересно, не в его пользу), на ровном месте совершена подмена культур: нет, он не российский хипстер, он американец, причем находящийся в ладах с родным языком.

Разумеется, примеры можно множить еще очень долго. Несложно увидеть, что в случае подмены культур не обязательно происходит национальная ассимиляция как таковая (одомашнивание). Полагаю, что неправомерная подмена культур есть действительно одна из серьезных опасностей перевода. В основе подмены обнаруживаются – в самом общем виде – два механизма: собственно переводческий (несостоятельные мотивы, недостаточный анализ, неудачный или отсутствующий прогноз восприятия текста); экстрапереводческий, а именно невежество, причем, похоже, возрастающее (?). Необходимы не только анализ этого феномена и качественное обучение переводчиков (переводчик должен понимать, что он делает, почему, к чему это ведет и т.д.), но и серьезные усилия в просвещении широкой публики – сегодня такие усилия актуальны как никогда.

Литература

1. Латышев Л.К. Перевод: проблемы теории, практики и методики преподавания: Кн. для учителя шк. с углубл. изуч. нем. яз. М.: Просвещение, 1988. 160 с. 2. Присяжная Ж. «Мстители: Война бесконечности»: интервью с Крисом Эвансом и Доном Чидлом [электронный ресурс]. *Афиша Daily*. <https://daily.afisha.ru/cinema/8408-mstiteli-voyna-beskonechnosti-intervyu-s-krisom-evansom-i-donom-chidlom/>.